

Fergus Home
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Fergus Hume

Фергюс
Х Ъ Ю М

Цыганка
из ломбарда

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х98

Fergus Hume
HAGAR OF THE PAWN-SHOP: THE GYPSY
DETECTIVE

Оформление серии *А. Саукова*

Хьюм, Фергюс.
Х98 Цыганка из ломбарда / Фергюс Хьюм ; [пер.
с англ. Л. Соловьевой]. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 320 с. — (Фергюс Хьюм. Серебряная
коллекция).

ISBN 978-5-699-98560-9

Ломбард в трущобах — место, куда стекаются самые страшные тайны людей из всех слоев общества, тайны, воплощенные в предметах. Их разгадкой занимается цыганка Агарь, девица с непростым характером, но благородной душой, волею судеб оказавшаяся хозяйкой предприятия. Ей известно, что вскоре придется расстаться с такой жизнью. На горизонте маячит призрак негодяя, из-за которого Агарь бросила цыганский табор и переселилась в грязный суетный Лондон. Всеми силами души ненависть этого человека, она держит ломбард именно для него...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98560-9

© Соловьева Л., перевод на русский язык,
2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава I

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ АГАРИ¹

Иаков Дикс был ростовщиком, но не евреем, несмотря на свое занятие и на то, что данное ему при крещении имя звучало как древнеиудейское. Он был настолько стар, что никто не знал его настоящего возраста, настолько уродлив, что над ним издевались дети на улице, и настолько жаден, что вся округа называла его Скрягой. Если у него и были какие-то скрытые хорошие качества, уравновешивающие плохие, они никому не были известны, да никто и не трудился их искать. Иаков, угрюмый и малообщительный человек, был явно не из тех, кто склонен поощрять непрошеное любопытство. Он жил в своем ломбарде, словно великан-людоед в сказочном замке, и никто никогда не приходил

¹ Агарь — в Библии рабыня, ставшая наложницей Авраама во время бездетности его жены Сарры и родившая от него сына Измаила, согласно преданию, прародителя арабов. Агарь — египтянка, что перекликается с этимологией английского слова «gypsies» («цыгане») — «египтяне».

6 *Фергюс Хьюм*

к нему — кроме людей, которые являлись, чтобы заключить сделку, поспорить о ее условиях и осыпать его проклятиями по завершении дел. Из чего можно было заключить, что вести с Иаковом дела было непросто.

Ломбард Иакова на Карби-Кресент в Ламбете¹ напоминал замок людоеда: пусть он не был завален костями мертвецов, зато в нем хранились реликвии и обломки множества потерпевших крушение жизней и семейств. Расположенный в середине грязной улицы, он выходил фасадом на маленький пустырь; попасть в него можно было с переулка, ведущего на соседнюю улицу. В его окнах, за многие годы покрывшихся слоем пыли, были выставлены самые разные предметы: от серебряных чайников до порядком побитых кастрюль, от золотых часов до ржавых утюгов, от плотницкого инструмента до стильного зеркала в рамке из слоновой кости. Предметы, выставленные в окнах ломбарда Дикса, представляли собой в миниатюре пошлость и упадок современной цивилизации.

В этом была некая ирония — в том, что рядом находились совершенно несочетаемые вещи, пустяковые и самые необходимые. Тут вечной улыбкой улыбались с медной грелки фигурки из дрезденского фарфора, ярко раскрашенные и изящные; там лежал кинжал времен Ренессанса с рукояткой из серебра, а рядом — дюжина дешевых столовых

¹ Административный район Большого Лондона.

ножей, из тех, что мы осыпаем проклятиями за трапезой в третьесортном ресторане. Обмотанная рука мумии фараона соседствовала с агатовым блюдцем, на котором лежала кучка монет разных эпох и всевозможных стран. Часы из золота и серебра висели рядами над фантастическими храмами и кораблями, вырезанными из слоновой кости трудолюбивыми китайскими ремесленниками. На прямоугольнике богатой парчи с узором, вытканым шелковой нитью, многоцветной, как хохолок попугая, с небрежной щедростью были свалены многочисленные медали, амулеты, старомодные кольца с потускневшими драгоценными камнями и хрупкие стеклянные браслеты индийских танцовщиц. Небольшая шкатулка японского лака, черная, с гротескными позолоченными фигурками; коралловые талисманы из Южной Италии для защиты от сглаза; украшенный драгоценными голубыми и бирюзовыми камнями турецкий кальян; викторианские шляпы с вышивкой из потускневшего золота; амулеты, серьги, браслеты, табакерки и броши с флорентийской мозаикой — все это было легкомысленно свалено в кучу и покрыто слоем тонкой серой пыли. «Обломки» многих столетий, высохшие кости сотни обществ, мертвых или умирающих. Какое свидетельство мимолетности империй и ничтожности гордыни жалких людишек!

Двери вели в маленький и темный магазин. Через комнату тянулся узкий прилавок, деля ее на две части. С одной стороны у самого входа стояли три

8 *Фергюс Хьюм*

деревянные ширмы, образуя четыре подобия сторожевых будок — посетители заходили в них для ведения деловых переговоров.

Иаков, ссохшийся, хитрый, вечно сотрясаемый кашлем, слонялся вдоль прилавка, непрерывно споря со своими посетителями и обманывая их при малейшей возможности. Он никогда не давал настоящей цены за закладываемый предмет, сражался за каждый фартинг¹ и, даже когда получал вещь по себестоимости, оставался недоволен сделкой. Поэтому каждая выложенная им монета была каплей крови, выжатой из его иссохшего сердца.

Он редко покидал лавку и никогда не общался с коллегами. Закончив очередной день сутяжничества, он неизменно удалялся в мрачную гостиную в задней части дома, главным украшением которой служил гигантский, встроенный в стену, сейф. Здесь Иаков пересчитывал доходы и общался с сомнительными типами, которых не следовало допускать в ломбард — они приходили тайком, чтобы сбыть краденое. А еще в самые светлые свои моменты он беседовал здесь с единственным другом, который имелся у него на Карби-Кресент... или даже во всем Лондоне. Иакову не грозило стать образцом популярности.

Этим его другом был адвокат по имени Варк, который вел сомнительные дела сомнительными методами с сомнительными клиентами. Его имя, как

¹ Мелкая английская монета в 1/4 пенни (1/960 фунта стерлингов).

он заявлял, говорило о польском происхождении, но обычно соседи рифмовали «Vark» с «shark»¹, и это показывало их отношение к юристу. В округе его ненавидели лишь немногим меньше, чем Иакова.

Сперва этих двоих связывали только отношения юриста и клиента, но позднее они переросли в настороженную дружбу, поскольку у обоих была схожая репутация и оба были изгоями. Они не доверяли друг другу и пытались надуть друг друга к своей выгоде, но всегда безуспешно. Однако каждый вечер встречались и беседовали в мрачной гостиной о разных своих махинациях. Никому больше они не рискнули бы об этом рассказать, но у них была настолько плохая репутация, что они не осмеливались предать друг друга. Только на такой основе возможна дружба среди воров.

Как-то на исходе одной туманной ноябрьской ночи Иаков со своим закадычным другом сидел у чахлого огонька, едва заметно мерцавшего на ржавой железной колосниковой решетке. Старый ростовщик варил кашу, а Варк, сидя рядом, потягивал из бокала джин, налитый из принесенной с собой бутылки и слегка разбавленный водой. Водой адвоката снабдил господин Дикс, так как она ему ничего не стоила, но Варк — и это важно для понимания ключевой особенности их отношений — всегда приходил со своим напитком. На дощатом столике стояла оплывшая свеча в заложенном серебряном

¹ Shark (*англ.*) — акула.

10 *Фергюс Хьюм*

канделябре, давая скудный свет. Туман заползал с улицы в комнату, и парочка сидела в этой мути, едва освещенная маканой свечой¹. Такое убожество и такая нищета были возможны только в обители скупца вроде Иакова.

Варк, маленький, худой, гибкий, напоминал скорее червя, чем человека, созданного по образу и подобию Творца. У него был острый нос и прыщавое лицо, на котором сверкали два хитрых тусклых глаза, зеленых, как у кошки. Старый порыжевший черный костюм кое-где протерся, демонстрируя белье. Варк потирал руки и подобострастно кивал всякий раз, когда Иаков между приступами кашля отпускал грубые замечания. На мистере Диксе был богатый, хотя и выцветший, домашний халат, оставшийся после какого-то денди времен Регентства², и каждый приступ кашля угрожал разорвать хрупкое тело Иакова на куски. Но старик был удивительно упорным и цеплялся за жизнь с отчаянной решимостью — хотя одним небесам ведомо, что хорошего нашел старый негодяй в своем убогом существовании. Варк, составивший для Иакова завещание, не одобрял этого упорства и сейчас жаждал смерти своего клиента, с тем чтобы в качестве душеприказчика прикарманить часть богатств, которыми, по слухам,

¹ Маканые свечи изготавливаются путем обмакивания фитиля в воск.

² Эпоха вычурных и пышных мод, 1811–1830 гг., когда Георг IV сначала правил как регент при недееспособном отце Георге III, а затем как король.

владел Дикс. Наследник Дикса отсутствовал, и Варк был полон решимости позаботиться о том, чтобы его никогда не нашли. А пока адвокат с головой, полной замыслов, раболепно съезжился перед Иаковом, наблюдая, как тот кашляет над своей кашей.

— Ах, боже мой, боже! Какой нынче вечером у мистера Дикса ужасный кашель! — вздохнул Варк, говоря о своем клиенте в третьем лице, как делал почти всегда. — Почему господин Дикс не отведаст джина, чтобы смочить горло?

— Не могу себе этого позволить! — прохрипел Иаков, наливая кашу в миску. — Джин стоит денег, а денег я пока не заработал. Сделайте мне маленький подарок, плесните мне немного из вашего стаканчика, господин Варк, чтобы показать, что вы рады моей компании.

Господину Варку такая просьба очень не понравилась, и в предложенную чашку он налил как можно меньше джина.

— Ну что за милый человек! — ухмыляясь, сказал адвокат. — Такой компанейский, полный веселья!

— Веселье мое — выпивка ваша! — отвечивал Иаков, прихлебывая кашу.

— Какое остроумие! — фыркнул Варк, хлопнув себя по коленям. — Лучше «Панча»¹.

— Джин да каша — пища наша! — объявил господин Дикс, воодушевленный похвалой.

¹ Знаменитый британский еженедельник сатиры и юмора.

12 *Фергюс Хьюм*

— Хе-хе! Сдохну от смеха! В театре за деньги меня веселили хуже.

— Дурак! — проворчал Иаков, взяв в руки каминные щипцы. — Не надо было платить-то. А теперь убирайся! Я собираюсь потушить огонь. Не хочу и дальше жечь дорогой уголь, чтобы тебя согреть. Да и свеча больше чем наполовину сгорела! — негодуя закончил он.

— Иду, иду... — проворчал темноволосый адвокат, сунув бутылку в карман. — Но как обидно покидать приятную компанию!

— Хватит болтать ерунду, чернильная душа! Мой сын еще не отозвался на объявление?

— Мне кажется, что сын господина Дикса не спешит утешить своего опечаленного родителя, — ответил адвокат. — Ох уж эти жестокосердные отпрыски!

— Тут ты прав, дружище! — нахмурившись, пробормотал Иаков. — Джимми оставил меня умирать в одиночестве, будь он проклят!

— Тогда зачем вы завещали ему все свои деньги? — спросил Варк, теперь заговорив от первого лица, как делал всякий раз, стоило разговору свернуть на деловые рельсы.

— Как это зачем, дурак? Затем, что он сын Агари, плохой сын хорошей матери.

— Агарь Стэнли — ваша жена... Ваша жена-цыганка? Так, господин Дикс?

Иаков кивнул:

— Чистокровная цыганка. Я встретил ее, когда был коновалом.

— Коновал, бродячий торговец! — хныкнул Варк. — Какой острый ум у этого человека!

— Она приехала со мной в Лондон, когда я решил здесь обосноваться, — продолжил Иаков, не обратив внимания на замечание гостя. — И город убил ее. Она не могла дышать среди кирпичей и известкового раствора после свободного воздуха дорог. Бедная покойная бедняжка! И она оставила мне Джимми — Джимми, который меня оставил.

— Какой простор для воображения... — начал было Варк, но, по яростному взгляду Иакова поняв, что комплименты его покойной жене не будут хорошо приняты, изменил тон. — Он растратит ваши деньги, господин Дикс.

— И пускай! Агарь умерла, а когда я умру... Пусть делает что хочет.

— Но, мой щедрый друг, если бы вы наделили меня большими полномочиями в роли своего душеприказчика...

— Ты бы сам прибрал мои деньги, — иронически перебил Дикс. — Думаешь, я этого не знаю, ты, акула! Твоя обязанность — передать имущество Джимми согласно закону. Я же тебе плачу.

— Но платите так мало! — проскулил Варк, поднимаясь. — Если у вас...

В этот момент кто-то громко постучал в дверь лавки, и оба злодея, всегда опасавшиеся полиции, уставились друг на друга, на мгновение замерев от

ужаса. Потом Варк, всегда заботившийся о собственной шкуре, схватил свою шляпу и поспешил к задней двери, собираясь под покровом тумана вернуться домой так, чтобы никто не увидел его и не задал никаких вопросов. Он исчез, словно призрак, оставив Иакова одного, а в дверь постучали снова.

— Неужели пилеры!¹ — пробормотал старик, доставая пистолет из шкафа. — Но, может, и воры. Что ж, коли так...

Он мрачно усмехнулся и, недоговорив, зашаркал к двери со свечой в руке. Часы в магазине пробили одиннадцать, и в дверь постучали в третий раз.

— Кто там так поздно? — резко спросил Иаков.

— Я, Агарь Стэнли!

С криком ужаса господин Дикс выронил свечу, и его накрыла темнота. Сейчас, когда его мысли крутились вокруг покойной жены, неожиданное упоминание ее имени заставило старика поверить, что она стоит по ту сторону двери, закутанная в саван, окоченевшая. Между живым и мертвой — лишь одна непрочная преграда! Какой ужас!

— Призрак Агари! — пробормотал бледный дрожащий Дикс. — Почему она явилась сюда из могилы? К тому же из такой дорогой могилы, с мраморным надгробьем, обнесенной кирпичной оградой.

— Впустите меня! Позвольте мне войти, мистер Дикс! — крикнула незваная гостья, снова постучав.

¹ Прозвище полицейских, данное в честь Роберта Пиля, создавшего столичную полицию в 1829 г.

— Она никогда меня так не называла, — успокоившись, пробормотал Иаков.

Он подобрал свечу, снова ее зажег и громко объявил:

— Я не знаю никакой Агари Стэнли.

— Откройте дверь — и узнаете. Я племянница вашей жены.

— Живая женщина! — пробормотал старик, пытаясь открыть замок. — Против этого я не возражаю.

Он распахнул дверь настежь, и из тумана и темноты в лавку шагнула молодая девушка лет двадцати в темно-красном платье из грубой ткани и коротком черном плаще. Руки ее были обнажены, голова непокрыта, если не считать алого платка, небрежно скрученного вокруг великолепных черных волос. Восточные черты ее лица и цвет кожи выдавали в ней настоящую цыганку: изогнутые брови над большими темными глазами, красивый рот с тонкими губами и изысканный точеный нос. Ее лицо и фигура были лицом и фигурой женщины, нуждающейся в пальмах, песках пустыни и золотистом солнечном свете, горячем и страстном... Однако эта восточная красавица появилась из тумана, словно какая-то мертвая сирийская принцесса, и предстала во всем своем роскошном очаровании удивленному взгляду старого ростовщика.

— Так ты племянница моей покойной Агари? — спросил он, рассматривая гостью при желтом свете тонкой свечи. — Да, точно. Она была похожа на тебя, когда я встретил ее в Нью-Форесте. Что тебе нужно?